

О.Ю. Курныкин
Русско-турецкие войны XVIII – начала XX в. и
российские мусульмане

Несколько обстоятельств побуждают обратиться к вынесенной в заголовок теме. Во-первых, длительное, более чем двухвековое военно-политическое противостояние двух великих империй – Российской и Османской, принявшее характер геополитического соперничества на обширных пространствах Причерноморья, Балкан, Кавказа, несло в себе определенную религиозную символику, поскольку Россия, не свободная от религиозного мессианства в духе концепции «Москва – третий Рим», претендовала на покровительство христиан, оказавшихся под турецким господством, а также на освобождение Константинополя от власти мусульман. В свою очередь, Османская империя воспринималась в мусульманском мире как оплот ислама и охранитель его святынь, а турецкие султаны, носившие также титул халифа (духовного главы всех правоверных), обладали сакральным авторитетом среди мусульман далеко за пределами турецких границ и стремились конвертировать его в политическое влияние.

Во-вторых, обе империи были не только многонациональными, но и многоконфессиональными государственными образованиями. Причем если доля христианского населения в Османской империи постепенно сокращалась (в результате отпадения балканских народов, неудержимо реализовывавших свое стремление к созданию национальных государств и слиянию с европейским сообществом, а также в ходе масштабных этнических чисток, прежде всего в отношении армян и греков, отчасти за счет ассимиляции и поглощения турецким этносом), то доля мусульман в численности населения России неуклонно возрастала, по мере продвижения ее границ на юг и юго-восток¹. В силу этого «мусульманский фактор» оказывал всё более заметное

¹ По данным переписи 1897 г., в Российской империи при общей численности населения 125,6 млн человек проживало почти 14 млн мусульман, или 11% населения. К 1917 г. численность мусульман в стране составляла около 20 млн человек. Некоторые авторы увеличивают последнюю цифру до 30 млн человек, ссылаясь на тенденциозность и изъяны при проведении переписи 1897 г., однако не приводят убедительных аргументов в подтверждение этих расчетов (см., напр.: Исхаков С. Мусульманская психология и европейская политика (первая четверть XX века) // Панорама-форум. 1996. № 2. С. 1.

влияние как на внутривосточные процессы в России (с точки зрения устойчивости имперской структуры), так и при реализации ее внешнеполитических устремлений в Азии. К тому же основной массив российских подданных, исповедующих ислам, принадлежал к тюркской суперэтнической общности, общепризнанным лидером и ядром которой считались турки. В силу этого идейно-политические процессы и настроения в мусульманском ареале России не могли быть изолированы от влияния Стамбула; в свою очередь, взоры российских мусульман были обращены на Стамбул как общеполитический центр мусульманского мира, столицу еще недавно могущественной империи, история которой (в период исторического восхождения) являлась предметом общемусульманской гордости.

Османская держава, изначально возникшая как военно-государственная структура, ориентированная на территориальное расширение и покорение земель во имя Аллаха, создавалась как исламская империя; ее внешняя экспансия получила сакральную санкцию и обосновывалась идеологией священной войны за веру – джихада. Пока границы империи раздвигались, призыв к джихаду был обращен прежде всего к турецким войнам, став лозунгом и идейным обоснованием завоевательных походов. Когда же империя начала «усыхать» и территории с мусульманским населением стали переходить под контроль европейских (христианских) держав, призыв к джихаду стал приобретать функции защиты от угрозы, исходящей от внешнего мира, а также использовался для мобилизации и канализации протурецких настроений среди правоверных и обращения их во вред своим военным противникам. Объективно этому содействовало то обстоятельство, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. религиозная самоидентификация в мусульманском обществе (в том числе среди турок и российских мусульман) превалировала над этнической.

Вместе с тем активное использование лозунга джихада в военных конфликтах с иноверцами привело к тому, что джихад в восприятии немусульманских народов превращается в идеологему, наполненную негативным содержанием, и вливается в комплекс исламофобских стереотипов.

«Мусульманский вопрос» в контексте российско-турецких отношений становится значимым фактором с включением в состав Российской империи Северного Причерноморья и Крыма

по итогам войны 1768–1774 гг. и принятием российским правительством определенных обязательств в отношении мусульманского населения этих территорий. В манифесте императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. верховная российская власть обещала мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»².

Российская администрация, особенно действовавшая в окраинных территориях с преобладанием мусульманского населения, всегда настороженно относилась к реальным или потенциальным угрозам, проистекающим от антироссийской агитации со стороны турецких эмиссаров. Симбирский и уфимский генерал-губернатор О.А. Игельстром в донесении Екатерине II от 10 мая 1789 г., признавая, что «в нынешнем положении Киргиз-Кайсаки не опасны», вместе с тем отмечал: «ежели происки турков, врагов Империи Вашего Величества, успеют возбудить их к общему мятежу, тогда уже не воровством людей и скота будут беспокоить здешний край, но многочисленными партиями начнут делать неприятельские нападения, и тогда 60.000 диких мятежников не могут быть уже не опасными»³.

Деятельность Игельстрома в качестве наместника в крае преимущественно мусульманским населением приходилась на период нового обострения русско-турецких отношений, вылившегося в войну 1787–1791 гг. В своем рапорте в Петербург от 8 октября 1789 г. генерал-губернатор сообщал: «...вследствие бытности у Бухарцев турецкого посланника и полученного Киргизцами от аталыка письма, муллы Чеклинского рода возмущают Киргизский народ поднять оружие противу России за Порту Оттоманскую»⁴. Игельстром поручил оренбургскому муфтию Мухамеджану Хусейнову «выбрать из ал-корана приличные правила к успокоению Киргизского народа, приведенного чеклинскими муллами в сомнение». В казахскую степь направлялись муллы с «увещательными листами» от оренбургского муфтия. Благодаря превентивным мерам русских властей в духе

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 47.

³ Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. II. (Госсовет в царствование императрицы Екатерины II). СПб., 1869. С. 836–837.

⁴ Там же. С. 848.

Указа 1773 г., признавшим ислам в качестве одной из покровительствуемых со стороны государства религий (гарантии свободного отправления «природной веры», строительство новых мечетей и т.д.), а также благодаря умелой административной политике Игельстрома в отношении местных ханов, в целом в годы войны удалось сохранить спокойствие среди мусульманского населения Поволжья и казахских степей.

Характерно, что в период очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг., «когда грозные силы российского монарха разили полчища могущественнейшего владыки магометанского», Николай I утвердил образцовый план и фасад на постройку мечетей, разработанный строительным комитетом министерства внутренних дел, дабы нейтрализовать действия турецких эмиссаров, игравших на религиозных чувствах мусульман – подданных России и побуждавших их к непокорности христианской власти⁵.

Некоторые новые моменты в трехсторонних взаимоотношениях «Россия – Турция – российские мусульмане» проявляются с середины XIX века, когда в ходе Крымской войны и военных действиях на Балканах в 1877–1878 гг. особенно обозначились симпатии мусульман внутренних районов России к турецким единоверцам. К тому же после поглощения Средней Азии «мусульманский фактор» в жизни Российской империи приобретает новое измерение, привлекая внимание не только администраторов, путешественников и ученых, но и более широких общественных кругов. Все большее распространение получают представления об исламе как силе, противодействующей имперской интеграции и культурной ассимиляции мусульман.

Действительно, войны России с Османской империей не могли не активизировать настроения общемусульманской солидарности. Эти настроения, сами по себе не будучи первопричиной, могли накладываться на недовольство конкретными действиями российских властей в отношении мусульманского населения и выливаться в открытые антиправительственные выступления. В условиях назревания нового русско-турецкого конфликта полковник жандармского управления в декабре 1876 г. сообщал уфимскому губернатору, что «в случае объявления Россией войны Турции башкиры и татары хотят составить партию для правильного возмущения и выразить свое противодействие прави-

⁵ Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936. С. 54.

тельству поджогами, грабежами и убийствами русского населения»⁶. Действительно, в ряде волостей Казанского уезда во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. произошли массовые волнения местных мусульман, спровоцированные неурожаем и последующим голодом.

По данным местных властей, в Павлодарском уезде во время войны с Турцией 1877–1878 гг. приказные муллы собирали среди казахов деньги в пользу турок⁷. Это были единичные случаи, хотя и воспринимавшиеся властями как тревожные сигналы. Не случайно наиболее ретивые администраторы, как например военный губернатор Акмолинской области, предлагали такие радикальные меры, как воспрещение казахам поездок в Константинополь, Мекку и Медину⁸. Российские чины усматривали вредные последствия таких поездок для интересов государства. Несколько позднее в циркулярах российского министерства внутренних дел выражалась обеспокоенность по поводу замыслов «молодой Турции» (т.е. организации турецких оппозиционеров) направлять своих эмиссаров для возмущения подвластных России мусульман⁹.

Однако в целом антироссийская агитация турецких эмиссаров не встречала ожидаемого в Стамбуле отклика. Мусульмане Российской империи оставались в основном лояльными подданными. Причем особенно подчеркнутую и неизменную лояльность демонстрировало официальное мусульманское духовенство, подконтрольное властям через созданные по инициативе имперского центра Духовные мусульманские собрания. Более того, мусульманские священнослужители находили оправдание верноподданнической позиции в призывах Мухаммеда к повиновению законным властям и покорности им. Тем не менее, среди российской гражданской и военной бюрократии, впрочем, как и в более широких кругах русского общества, сохранялось настроенное отношение к «мусульманству», в котором (отношении) причудливо переплетались европоцентристская убежденность в превосходстве христианских ценностей и мироустройства со страхом перед фанатизмом приверженцев ислама.

⁶ Там же. С. 44.

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 25 об.

⁸ Там же. Л. 33 об.

⁹ Там же. Л. 46.

Начало XX в. ознаменовалось пробуждением национального самосознания в мусульманских странах¹⁰. В России эти процессы были включены в общий поток общедемократического и национального движения, ставшего значительным фактором в политической жизни страны. В 1905–1906 гг. состоялись три Всеобщих мусульманских съезда, ознаменовавшие начало политической самоорганизации российских мусульман, вначале под идейно-организационным покровительством российских либералов. Заметным явлением становится мусульманская пресса, растет число мусульманских типографий. В Государственной думе возникает мусульманская фракция, присоединившаяся к кадетам. Мусульманские деятели все громче заявляли об особых культурных, общественных, религиозных интересах своих единомышленников.

Брожение среди российских мусульман, принимавшее все более зрелые идейные и организационные формы, беспокоило власти. Ответной реакцией последних стала кампания против панисламизма, инспирированного, согласно широко распространенному в русском обществе мнению, Стамбулом. Странники панисламизма обвинялись в сепаратистских устремлениях, направленных на отрыв от России мусульманских областей. Эти обвинения чаще всего были плодом самовнушения и преувеличенных страхов относительно происков внешних сил. Вместе с тем в них проявлялись, возможно, не до конца отрефлектированные, интуитивные опасения по поводу судеб Российской империи и сохранения ее православной идентичности.

Панисламизм, зачинателем и активным пропагандистом которого был Джемаль-ад-Дин аль-Афгани (1839–1897), призывал к объединению мусульманских народов на основе обновления (в разном его толковании) исламского мира. Он являлся широким и неоднородным движением. Турецкая имперская верхушка пыталась приспособить панисламизм к реализации собственных великодержавных интересов, в том числе на «русском фронте». Однако вскоре выявилась политическая неэффективность панисламизма как средства подрыва российской ориентации тех му-

¹⁰ Понятие «мусульманское возрождение» использовалось отечественными авторами еще в начале XX века (см., например, записку попечителя Оренбургского учебного округа Н. Бобровникова (1908 г.) – Архив востоковедов Петербургского филиала ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 281. Л. 33 об.).

сульманских народов, которые оказались в составе российского государства. Крупный мусульманский реформатор и общественный деятель Исмаил Гаспринский считал Россию преемницей «бывшей татарской державы» (т.е. Золотой Орды), именно с российской государственностью и интеграцией в российское культурно-политическое пространство он связывал решение основных задач прогресса тюркско-мусульманского мира.

Впрочем, в сознании мусульман лояльность России по-прежнему уживалась с симпатиями к Турции¹¹, особенно если последние базировались на общетюркской солидарности. Пантюркистские идеи в первые десятилетия XX в. стали популярными и активно пропагандировались в среде татарской интеллигенции, проникали в более широкие слои российских тюрков. Интерес к пантюркистским идеям был особенно заметен среди азербайджанцев, видевших в турках наиболее родственный этнос и своих «старших братьев».

Попытки некоторых российских администраторов связать общественно-культурный подъем в среде российских мусульман, наиболее зримой формой которого стало движение джадидизма¹², с зарубежными «исламскими центрами», прежде всего, Стамбулом, оказались безуспешными. Русский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев полагал, что мусульманское движение в России следует рассматривать как явление «совершенно самостоятельное», обусловленное «местными обстоятельствами»¹³. Впрочем, не правильно было бы сбрасывать со счетов появление (наряду с традиционными – хадж, паломничество к другим мусульманским святыням, обучение в авторитетных богословских центрах) новых каналов ретрансляции общеисламской солидарности – газет, распространения публицистической литературы, проведения мусульманских съездов и т.д. Более плотная коммуникационная сеть делала все более проницаемыми государст-

¹¹ Показательно, что член мусульманской фракции в Государственной думе С. Максудов в 1910 г. призывал к русско-турецкому сближению (см. Исхаков С. Мусульманская психология ... С. 6).

¹² Джадидизм – движение за реформирование мусульманской системы образования и приобщение мусульман к достижениям современной культуры и науки.

¹³ Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманской движении начала XX века // http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/islam_conf/node_361/xx

венные границы для идей общемусульманской солидарности, принимавшими всё более выраженный освободительный (от засилья христианских держав) характер. В любом случае в первые десятилетия XX в. происходило расширение политико-идеологического пространства «российского мусульманства» за пределы государственных границ России.

Все это создавало особый психологический климат, который влиял на восприятие российскими мусульманами внешнеполитических событий, так или иначе затрагивающих чувства приверженцев ислама. В период итало-турецкой (1911–1912 гг.) и балканских (1912–1913 гг.) войн сочувствие российских мусульман было на стороне единоверных турков, а в Крыму мусульманские благотворительные общества занимались сбором средств на помощь Турции. Показателен секретный циркуляр, направленный Туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым военным губернаторам областей края, российскому политическому агенту в Бухаре и начальнику Аму-Дарьинского отдела в октябре 1912 г., в период поражений Турции в войне с коалицией балканских государств. В этом документе, в частности, указывалось: «Миллионы мусульман, живущих вне пределов Турции, в том числе и в России, несомненно, живо сочувствуют несчастьям, постигшим армию султана, как духовного главу мусульманского мира. Многомиллионное туземное население наших среднеазиатских владений, по-видимому, тоже приносит известную дань такого сочувствия туркам, и при известной впечатлительности, некультурности и потому легковёрности местного населения возможны известные активные выступления по этому поводу, например: сбор пожертвований на цели «священной войны», пропаганда активной поддержки турок и т.п.». Местным властям предписывалось «ни под каким видом не допускать появления в крае турецких выходцев, пропагандирующих идеи джихада, и вообще посильной помощи султану, как халифу»¹⁴.

В связи с вступлением Османской империи в Первую мировую войну стамбульский шейх-уль-ислам издал фетву, в которой подчеркивалось, что «Россия, Англия и Франция враждебны к исламскому халифату» и прилагают все усилия для того, чтобы «погасить высокий свет ислама». Фетва призывала мусульман, находящихся под властью названных правительств, обя-

¹⁴ Цит. по: Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы ...

вить им «священную войну»¹⁵. Турция предстала в фетве как объект очередного крестового похода, против которого у мусульман европейских стран было одно средство - джихад, то есть борьба в защиту веры. На действенности этих призывов не могло не сказаться то обстоятельство, что турецкий султан по-прежнему пользовался особым авторитетом как глава самого крупного и сильного мусульманского государства. Ответной реакцией российского правительства стало распоряжение местным властям через указных мулл разъяснить прихожанам ничтожность стамбульской фетвы о священной войне.

По данным российских властей, уже вскоре после начала военных действий между Россией, Австро-Венгрией и Германией и еще до вступления в войну Османской империи турецкое правительство командировало в мусульманские регионы России, прежде всего на Кавказ и в Туркестан, своих эмиссаров для пропаганды среди мусульманского населения идей панисламизма и священной войны с неверными¹⁶. В департаменте полиции, внимательно отслеживавшем умонастроения населения мусульманских регионов России, в июле 1916 г. была подготовлена справка, в которой констатировалось: «Под влиянием этой пропаганды среди некоторой части мусульман Кавказа и Туркестана стало замечаться стремление к оказанию в той или иной форме активной помощи Турции, в виде денежной помощи на военные нужды, а среди сартовского населения Туркестана образовались тайные комитеты («моджахеды»), занявшиеся агитацией за восстание против России и вошедшие в сношения с афганским правительством, подстрекая последнее к выступлению против России и обещая в случае объявления войны свою помощь. Остальная часть мусульманского населения, хотя и сохранила внешнюю лояльность, тем не менее сочувственно относится к туркам и немцам и с интересом следит за действиями турецких и германских войск, в надежде, что Турецкая империя всемусульманского халифата при содействии Германии, постепенно развивая свое могущество и свое международное значение, рано или поздно освободит их от христианского ига»¹⁷. Дейст-

¹⁵ Цит. по: Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1919–1927. Т. IV. М., 1934. С. 350–351.

¹⁶ Панисламизм в политической жизни Дагестана начала XX века // Новое дело. 2007. 2 февраля.

¹⁷ Цит. по: Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы ...

вительно, военный кризис 1914–1918 гг., как никогда прежде, выявил феномен «расколотости самосознания» российских мусульман между верностью своему «отечеству» и желанием побед турецкому оружию. Как небезосновательно отметил С. Исхаков, «мировая война поставила российских мусульман перед проблемой нравственного выбора»¹⁸.

Политическая ситуация, возникшая с началом Первой мировой войны, вынуждала мусульман к настойчивым заверениям и демонстрации своего патриотизма. Мусульманские газеты России призвали единоверцев выполнить «как свой воинский долг, так и все гражданские обязанности»; в Казани уже 21 июля 1914 г. состоялась манифестация под патриотическими лозунгами¹⁹. Авторы публикаций в мусульманских изданиях, обосновывая справедливость вооруженного противостояния России с Турцией, стремились вывести за скобки религиозный компонент, понимая, что преимущество на этом поле легко окажется на турецкой стороне. Поэтому подчеркивалось, что война навязана Германией, и Турция является безвольной игрушкой в руках немцев. Солидарные усилия видных представителей российских мусульман были направлены на подрыв престижа турецкого султана-халифа в глазах правоверных.

Внешне ситуация не изменилась и после вступления Турции в войну 29 октября 1914 г. Мусульманские лидеры по-прежнему ратовали за победу православного монарха. Муфтий Оренбургского духовного собрания, а также главы суннитских и шиитских управлений Российской империи призвали мусульман выступить со всем русским народом на защиту дорогого отечества от врагов. О своей верноподданнической позиции заявили и члены мусульманской фракции в Государственной думе. При содействии мусульманского духовенства и авторитетных общественных деятелей был организован сбор пожертвований на нужды фронта.

Вместе с тем Турция в годы войны не могла не попытаться использовать потенциал панисламского и пантюркистского движения в своих интересах. В 1915 г. в Стамбуле был создан Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России во главе с казанским татаринном Юсуфом Ачкура, проживавшим с 1908 г.

¹⁸ Исхаков С. Мусульманская психология ... С. 6.

¹⁹ Климович Л. Указ. соч. С. 287.

в Турции. Деятельность Комитета распространялась в основном на страны Четвертного союза; его представители, посещая в 1915–1916 гг. Берлин, Вену, Софию, информировали правительственные круги и общественность стран Центральной Европы о бедственном положении тюркских народов России. Так, в конце 1915 г. депутация Комитета посетила венгерского премьера графа И. Тису с целью донести информацию об унижениях и бедствиях российских мусульман²⁰. При активном поощрении Стамбула члены Комитета разрабатывали проекты отделения от России Туркестана, воссоздания Крымского и Казанского ханств. Мусульманские газеты, издававшиеся в России, поспешили отмежеваться от взглядов и деятельности протурецкой и германофильской струи пантюркистов. Военная обстановка побуждала российские власти усилить внимание к «мусульманскому вопросу», что проявлялось прежде всего в ужесточении контроля за мусульманским духовенством, религиозными школами, за деятельностью мусульманских организаций и их лидеров.

Следует отметить существенные отличия в положении мусульман во внутренних районах России и в приграничных областях Кавказа, оказавшихся в зоне военных действий. Неприятным сюрпризом для российских властей оказались симпатии и поддержка наступавшей турецкой армии со стороны аджарских и карских мусульман. Лидеры азербайджанских мусаватистов, опасавшиеся распространения обвинений в предательстве на всех кавказских мусульман, обвинили их в «великой измене России»²¹. Впрочем, благоприятно складывавшаяся для русской армии обстановка на Кавказском фронте на время нейтрализовала проявления протурецкой ориентации части мусульман Кавказа, хотя, по некоторым утверждениям, руководители партии Мусават поддерживали в годы войны тайные контакты с турецким руководством и генеральным штабом²².

В целом, сочувствие российских мусульман единой Турции не принимало каких-либо организационных форм, которые могли бы создать дополнительную серьезную угрозу безопасности Российской империи. Власти, с понятной тревогой от-

²⁰ Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // http://magazines.russ.ru/oz/2003/5/2003_5_53.html.

²¹ Климович Л. Ислам ... С. 321.

²² Иголкин А. Независимое Закавказье: Уроки 1917–1921 гг. // <http://www.hayastan.ru/armvest/jurnal01/j01-stat16.html>.

носившиеся к малейшим проявлениям пантюркистских или панисламистских настроений, в конечном итоге были вынуждены констатировать, что «в широких мусульманских массах сочувствие к Турции чисто идейное...»²³. Это заключение не опровергается тем фактом, что в годы Первой мировой войны, в 1916 г. в российском тылу произошло масштабное восстание мусульман Средней Азии, поскольку оно было спровоцировано не подрывной деятельностью турецких эмиссаров и их местной агентурой, а непродуманными шагами местных властей.

Таким образом, религиозная идентичность мусульманских подданных Российской империи не создавала непосредственной угрозы устойчивости имперской структуры. Призывы к джихаду, периодически звучавшие из Стамбула, не влияли на ход военных действий в период русско-турецких вооруженных конфликтов, хотя и заставляли российские власти предпринимать превентивные меры для нейтрализации симпатий к турецким единоверцам со стороны российских мусульман. Первая мировая война, разворачивавшаяся на фоне подъема национального самосознания народов, прежде оттесненных на мировую периферию, придала новый импульс и новые проявления феномену раздвоения самосознания мусульманских народов: как приверженцы ислама они не могли не сочувствовать и симпатизировать единой Турции; как подданные Российской империи они должны были желать победы своему отечеству. Военный кризис 1914–1918 гг. продемонстрировал глубинные подвижки в процессах формирования этноконфессиональных идентичностей и тем самым создал условия для «социальных мутаций», проявившихся после исчезновения имперской скрепы в результате революционных потрясений в России в попытках создания независимых государств для мусульманских народов.

²³ Панисламизм ...